

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
С91

*Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Алена Геласимова*

Суханов С.

С91 За рекой Гозан. — М.: ИД «Городец», 2020. — 400 с.
(Серия «Ковчег».)

Что общего может быть у простого иудея и будущего правителя Кушанской империи, завоевавшего в первом веке нашей эры Хорезм, Афганистан и Северную Индию? Молодость, бесстрашие, желание добиться цели наперекор жестоким обстоятельствам.

Кушан — политический заложник в столице врагов, его задача — выжить. Но именно здесь он встречает любовь. Иудею предстоит найти реликвии Иерусалимского храма; ключ к разгадке тайны у него в руках. Отряд единомышленников отправляется на поиски сокровищ. Впереди непроходимые ущелья, бурные реки, узкие караванные тропы. Товарищи гибнут один за другим, но заветная цель все ближе.

Читатель узнает, как выглядело в то время жилище горцев, каким богам молились эллины Бактры, чем горожане занимались на празднике в честь Афродиты. А в конце романа его ждет сюрприз, если, конечно, он умеет читать между строк.

ISBN 978-5-907085-37-4

© С. Суханов, 2020
© ИД «Городец», 2020

*Посвящаю
моим любимым дочкам Саше и Тае*

В девятый год Осии взял царь Ассирийский Самарию, и переселил Израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мидийских.

Четвертая Книга Царств, 17:6

ПРОЛОГ

Парфия, 765-й год от основания Рима, месяц тевет¹

Первые лучи солнца еще только высветили крышу кумирни, а послушники уже вовсю сновали по хозяйственному двору, торопясь до первого гонга натаскать воды и дров в кухню, напоить коз, сколоть с дорожек образовавшуюся за ночь наледь. В крошечных окошках жилого барака светлячками загорались огни жировых ламп.

Чуть позже из келий не спеша, с достоинством вышли жрецы. Повернувшись лицом к востоку и потряхивая перед собой ритуальным поясом кусти, они вознесли утренние яшты Ахурамазде и добрым духам-язатам.

Острроверхую крышу кумирни-чортака поддерживали четыре толстых цилиндрических пилона, разделенных арками, отчего сооружение напоминало слона с башенкой на спине. На закопченном алтаре подбоченилась бронзовая урна со священным пеплом. Дежурный эрбад² на рассвете аккуратно ссыпал в нее лопаткой угли из едва тлеющего

¹ 765 год от основания Рима соответствует 12-му году нашей эры; тевет — месяц еврейского календаря, который приходится на декабрь-январь.

² Эрбады — младшие служители в зороастрийском храме.

кострища, а затем, торжественно распевая гимн, возжег утренний огонь Даргах.

Двор замыкали подсобные пристройки: сарай-дровяник, сенник, кошара и кухня с трапезной. За края пухлых соломенных крыш цеплялись последние клочья утреннего тумана.

Хозяйство ютилось у подножия холма, на котором возвышался храм Победного огня. Несмотря на ранний час, ступени лестниц уже были тщательно подметены. Каменные львы яростно скалили пасти, выпучив от усердия глаза без зрачков, словно и не переставали разгонять демонов ночи.

После завтрака послушники вновь рассыпались по двору, а эрбады и мобады³ гуськом двинулись по лестнице к храму, чтобы провести утреннюю церемонию приношения огню.

Из ворот вышел молодой человек с переброшенным через плечо мешком, проворно, словно поскорее хотел покинуть суету храмового хозяйства. По проложенной среди белоснежных сугробов тропинке он направился к Еврейскому кварталу. Шерстяная вязаная шапка сбилась набок, открывая ухо и длинные черные пряди волос, а полы распахнутого несмотря на утренний морозец полосатого халата колыхались при ходьбе. Он торопился, но в валенках особо не побегаешь — онучи враз собьются в ком и начнут натирать ноги.

Мешок не обременял, хотя и казался громоздким. Юноша то и дело перекидывал его с плеча на плечо, но не потому, что рука уставала, просто ему так хотелось — не так скучно идти. Временами он на ходу наклонялся и, зачерпнув пригоршню снега, тут же отправлял в рот. В светлеющем небе тревожно кричали галки.

³ Мобады — зороастрийские священники более высокого ранга, чем эрбады.

Вскоре показались знакомые хижины, сложенные из плит наломанного известняка. Даже в изгнании иврим⁴ не забывали традиции предков, поэтому, в отличие от парфян, строили дома из камня, а не из саманного кирпича.

Жилище Ицхака отличалось от домов других общинников лишь алией, надстройкой на плоской крыше. Юноша протопал вдоль стены с торчащими наружу комлями потолочных балок и нырнул под арку. Оказавшись во внутреннем дворе, он обогнул угол дома, затем пнул ногой невысокую узкую дверь — здесь, как и в Эрец-Исраэль, иврим опасались воров, поэтому широкие двери считались небезопасными. Покосился на прибитую к притолоке мезузу⁵ — не сбилась ли от толчка. Отодвинув плечом занавесь, вошел в комнату.

Изнутри пахло теплом, хлебом, травами. На разбросанных по полу кошмах сидели эксиларх⁶ и несколько учеников. Сквозь закрытые деревянными решетками маленькие окна у самого потолка едва пробивался дневной свет. В углу чадила растопленная жаровня, вдоль стен матово отсвечивали коричневыми боками кувшины, а с балок свисали вязанки сухих растений.

Все обернулись на вошедшего.

— Ну, наконец-то, — с иронией сказал старик, вытирая слезящиеся глаза рукавом халлука⁷.

— Эй, Иешуа, — высунулся крепыш с шапкой всклокоченных волос. — Ты по дороге не заблудился?

⁴ Иврим — ивр. иудеи, мн. число от «иври».

⁵ Мезуза — в еврейском доме на косяк входной двери прикреплялся кусок пергамента с текстом молитвы, который служил оберегом. В новозаветное время ее изготавливали из разных материалов, в том числе из камня, вешали на косяк или ставили рядом с дверью.

⁶ Эксиларх — в библейское время руководитель еврейской общины за пределами Палестины.

⁷ Халлук — распашная верхняя одежда иудеев в новозаветный период в виде халата из шерсти или льна, который надевался поверх куттона — длинной нательной рубашки.

— На него ангел напал и бороться заставил, — съязвил другой, худощавый с угристым лбом.

Все засмеялись, а Ицхак с напускной строгостью хлестнул умника по плечу пучком стеблей. Тот отшатнулся, но улыбаться не перестал. Ицхака в общине любили и не боялись: он был добрым и справедливым, в общем — безобидным. Однако уважали — за проницательный ум, опять же справедливость, а также знание трав. Община иврим в Хагматане⁸ была небольшой, поэтому Ицхак по совместительству выполнял обязанности рофэ, лекаря: делал обрезание, следил за соблюдением ритуальной чистоты, накладывал деревянные шины на переломы...

Травник много чего умел. Он, как и все члены общины, свято верил в то, что исцеление больного всецело находится в руках Всевышнего. И в чудодейственную силу молитвы. Но фарисеи Иерушалаима были далеко, а значит, никто не мог осудить рофэ за то, что тот, помолившись, давал больному горячий травяной отвар или вправлял вывих. Даже в шаббат.

Ицхак встал.

— Что дали? — спросил он, по-старчески близоруко вглядываясь в развязанный мешок.

Бехдины⁹ в храме тоже знали травы. Несмотря на различия в вере, между общинами сохранялись миролюбивые отношения, так что жрецы часто выручали рофэ лекарственным сбором.

Ицхак вынимал пучки один за другим, при этом пристально их разглядывая. Некоторые нюхал.

⁸ Хагматана — греч. Экбатана(ы), современный город Хамадан в Иране.

⁹ Бехдин — букв. «благоверный», человек, исповедующий зороастризм.

— Это что? — старый иври передал вязанку крепышу.

Ученики подвинулись ближе и уставились на сухие стебли с бледно-желтыми соцветиями, длинными остро-конечными листочками, похожими на листья оливы, и бурными бобами.

— Ха! — воскликнул угреватый, морща нос, потому что ближе всех придвинул лицо к траве. — Тут и думать нечего — александрийский лист.

Остальные закивали головами.

— Ну, Лаван, рассказывай, — прошамкал Ицхак.

— На вкус горький, запах — сами знаете... Дают при сухом кашле.

— Сколько? — спросил старик, хитро прищурившись.

— Лог¹⁰, — наугад выпалил парень.

Все, включая Ицхака, засмеялись.

— Если лог, завалишь демона отхожего места, — сквозь смех заявил крепыш.

Кто-то характерно выпустил губами воздух. Лаван обиженно дернулся, пытаясь дать обидчику подзатыльник.

— Хватит зубы скалить, — приструнил собравшихся Ицхак.

На занятиях рофэ старался быть строгим, хотя и не всегда получалось. Время неумолимо приближало день, когда его понесут в погребальную пещеру, поэтому он хотел успеть передать опыт ученикам — Священное писание, конечно, учит, но далеко не всему.

Учеников набралось человек шесть-семь: в тевет работы мало, а рофэ еще и похлебкой кормит, так что семьи не возражали — все лучше, чем шляться по улице и драться со сверстниками из персидского квартала.

¹⁰ Лог — древнееврейская мера сыпучих тел и жидкостей, равная 0,3 литра.

Ицхак невозмутимо продолжил:

— Если для послабления, можно и александрийский лист. Но ребятишкам лучше давать отвар из костянок жостера, он послаще будет. А ты запомни, — рофэ уткнул скрюченный палец в Лавана, — при кашле пол-лога, не больше, и не все сразу. Что еще дашь при грудной болезни?

Тот замялся. Не дождавшись ответа, Ицхак терпеливо пояснил:

— Отвар из корня желтоцвета. Можно отвар из дудника, или просто дать корешок пожевать. Пикульник тоже хорош — я показывал, у него корень похож на морду хоряка. А на грудь положишь примочку с белой или черной горчицей.

— Что там еще? — спросил он Иешуа и, не дожидаясь ответа, запустил руку в мешок.

Вынул холщовый кулек. Развязав его, довольно улыбнулся.

— Ого! Смола ферулы. Не пожадничали беждины.

Держа на ладони россыпь коричневых кусочков с неровными краями, пояснил:

— Млечный сок корней ферулы хорош от женских болей и истерики.

Тут он замолчал и строго посмотрел на прыснувших учеников. Те сделали вид, что внимательно слушают.

Ицхак продолжил:

— Чтобы дольше хранился, его надо смешать с рисовой мукой и соком акации. Можно принимать также от брюшных червяков, хотя лучше тыквенных семечек я средства не знаю. Вот ты, Шаддай, что еще предложишь?

— Нет у меня никаких червяков, — обиженно буркнул крепыш.

— А ты откуда знаешь? Уже отца перерос, а все ногти грызешь, словно маленький. Смотри — демона проглотишь.

Испуганно отдернув руку от лица, Шаддай вытер ее о халат. Ответить вызвался рыжеволосый Иона.

— Ну, мать брату давала пожевать свежую кору гра-
ната, он у нас во дворе растет.

— Хм, правильно, — довольно хмыкнул рофэ, — молодец Ханна, помнит, чему я ее когда-то учил, а ведь давно замужем, пятерых родила...

Он подошел к стене, размотал бечеву на одном из кув-
шинов, после чего, приподняв холстину, пошуршал в нем
рукой. Затем снял со стены несколько вязанок. Кряхтя,
уселся среди учеников и разложил травы перед собой.

— Так, а теперь запоминайте. Вот это танацэтум, или,
по-нашему, ромашник, — показал он на горсть сухих со-
цветий со сморщенными темно-желтыми корзинками и
остатками мелких листочков. — Цветет в ав¹¹, собирать
нужно сразу, как только зацвел. Если корзинки побу-
рели — все, рвать нельзя, а то отравитесь. Растет по поля-
нам и на обочинах дорог. Пахнет камфорой, на вкус горь-
кий. Настой выгоняет брюшных червяков, а еще им раны
и ушибы мажут — заживляет. Можно растолочь в поро-
шок и смешать с медом.

Растерев щепоть травы между пальцами, Ицхак дал
каждому понюхать. Потом вытер рукавом глаза, сощу-
рился и сноровисто — как птица когтем — подцепил пу-
чок ветвистых стеблей, увешанных круглыми шишечками.

— А это артемисия, или полынь. Растет там же, где ро-
машник, так что рвите их обоих — не ошибетесь. Тоже от
червяков. А еще лучше смешать оба отвара и добавить в
него толченый чеснок и тыквенные семечки — враз вый-
дут. Кипятить нужно верхушки с цветками, а также ниж-
ние листья — в них самый сок. Сушить в тени на воздухе,

¹¹ Ав — месяц еврейского календаря, соответствует июлю-августу.

почаще переворачивать... Пить тоже с медом — уж больно горький.

Ученики внимательно слушали, только Лаван делал вид, что интересно, а сам тихонько подводил руку с гусиным пером к уху соседа. Иона смешно мотал головой, отгоняя несуществующую муху, наконец, потеряв терпение, со всего размаха хлопнул себя ладонью по шее. Лаван прыснул, а Иона обиженно ткнул его кулаком в бок.

Иешуа сидел вместе со всеми, запоминая наставления рофэ. Заметив, что торба все еще раскрыта, тот жестом попросил подвинуть ее в центр. Пошарив на дне, вынул две вязанки высушенной травы. Поднес к глазам и вдруг удивленно вскинул брови.

— Аконит? — произнес он, внимательно рассматривая похожие на люпин растения с темно-фиолетовыми, почти черными, цветками.

В недоумении покачал головой. А взглянув на пучок толстых стеблей с соцветиями в виде множества мелких шишечек, на которых кое-где еще оставались сморщенные листочки, оторопело раскрыл рот.

— Болиголов?

Бросив обе связки обратно в мешок, Ицхак стал яростно тереть руки о халлук. Ничего не понимающие ученики посерьезнели, в изумлении наблюдая за странным поведением учителя.

— Кто тебе давал травы? — спросил рофэ Иешуа.

— Эрбад Мирза, как всегда. Мы мешок почти заполнили, а его кто-то позвал. Он мне сказал, чтобы я сам что-нибудь еще взял, мол, эксиларх разберется... Ну, я посмотрел по сторонам — ты знаешь, у них весь сенник завален связками. Решил взять что-нибудь подальше, откуда Мирза раньше не брал. Подставил лестницу и снял две вязанки наугад из-под самой крыши.

— Все. На сегодня урок закончен, — вдруг заторопился Ицхак. — Вставайте и идите домой.

Ученики беспрекословно подчинились. Напоследок, уже на пороге, Шаддай успел пожаловаться, что у сестры вся щека красная. Вздохнув, рофэ сказал, что золотуха не лечится, нужно просто следить за кожей, чтобы не шелушилась: подмешать девочке в еду порошок из жареных дубовых желудей, а еще смазать чешуйки на лице отваром руты.

— Пусть мать ко мне зайдет, я объясню, — напутствовал он парня, легонько выталкивая его из комнаты.

В опустевшей комнате Ицхак некоторое время постоял, нахмутив брови, задумавшись. Затем спохватился, взял кувшин с водой и вышел во двор. Тщательно растирая ладони мочалкой из иссопа, он еле слышно бормотал:

— Коз кормить не будут, дураков нет... если заварить, получится не отвар, а отрава... зачем бехдинам яд, за храфстрами¹² никто с ядом не бегают. Но тогда почему собрали?

Вытерев руки холстиной, он медленно вернулся в дом, тяжело вздыхая и качая головой.

Старик предчувствовал недоброе.

¹² «Храфстрами» зороастрийцы называли нечистых существ, сотворенных богом зла Ахриманом, которые приносят вред человеку, — хищников, насекомых, змей, а также злых духов.

ГЛАВА 1

Бактриана, 113-й год Кушанской эры¹³, месяц Фраваши¹⁴

1

— Хозяин! Пора, вставай...

Голос слуги донесся до Куджулы откуда-то с высоты — как будто с неба, — ворвавшись в сновидение и нарушив его плавную, осмысленную, хотя и странную самостоятельную жизнь, отличную от реальности. Он то ли скакал на коне, то ли сам был конем, мчавшимся по весенней степи. Ветер свистел в ушах, под ногами разливалось зеленое море, а рядом бежала поджарая гнедая кобыла, косила янтарным глазом...

¹³ Кушанская эра — летоисчисление саков (юэчжи), также называемых «кушанами», основавших Кушанскую империю, которое начинается с переселения группы родственных племен в Ферганскую долину с территории современного южного Казахстана. Эта дата, однако, является спорной. Автор использует дату, приведенную историком Л. А. Боровковой в книге «Кушанское царство», а именно 100-й г. до н. э.

¹⁴ Фраваши — месяц древнего зороастрийского календаря, соответствует месяцу фарвардин современного иранского календаря, т. е. марту-апрелю.

Проснуться удалось только после того, как кангюец осторожно тронул его за плечо и слегка потряс. Куджула дернулся, потом порывисто приподнялся на локте, с трудом разлепив глаза.

— Хозяин, отец ходит по двору, тебя спрашивает. Это моя вина, надо было раньше разбудить. Прости, хозяин.

Куджула сел на волчьей шкуре. Слуга молча стоял рядом, почтительно склонив голову. Кангюец был невысокого роста, сухощав и горбонос, с широкими скулами степняка из Семиречья¹⁵. Узкие щелочки глаз казались трещинами на загорелом обветренном лице. Длинные волосы свисали на плечи черными космами. Виски он давно не выбривал, как делали воины его племени, зато оставил тонкую бородку и висячие усы. Из-за спины высовывались рукояти пары мечей.

— Ладно, Октар, не вини себя, я быстро соберусь, ты знаешь.

Пружинисто вскочив, Куджула плеснул на лицо воды из стоявшего в углу глиняного хума, чтобы прогнать остатки сна. Он уже несколько ночей спал в сарае, не раздеваясь, приучал себя к походной жизни. В дороге придется спать именно так — в одежде, на шкуре под войлочным бурнусом. Хорошо, сейчас весна, а зимой спал бы, вырыв яму в снегу или прижавшись к теплему боку коня.

Подхватил снаряжение: акинак¹⁶, натянутый скифский лук и деревянный горит¹⁷ с запасным луком без тетивы. Отец приучил его с детства — оружие воин должен

¹⁵ Семиречье — в данном контексте это степная область в Казахстане, расположенная выше Тянь-Шаня, между озерами Балхаш и Иссык-Куль. Есть и другое Семиречье — инд. Сапта-Синдху, то есть Пенджаб.

¹⁶ Акинак — короткий скифский меч.

¹⁷ Горит — скифский деревянный колчан прямоугольной формы для хранения лука. Стрелы находились в специальном отделении на боковой стороне горита.

всегда держать у изголовья, даже если находится в безопасном месте. Все остальное повезут обозные лошади.

Выйдя во двор, он поежился от прохлады. Воздух был чистым и прозрачным, с едва ощутимым ароматом абрикосового и миндального цвета. Не оборачиваясь — потому что знал, что кангюец всегда рядом, — проронил:

— Оседлай тарпана, он иноходец — в самый раз для долгого пути, только проверь копыта, если что, отведи к кузнецу. Гнедая пойдет подъездком.

Все-таки обернулся.

— Как отец?

— Кашляет.

Куджула нахмурился и рывком затянул пояс. Во время охоты в Фанских горах Герай заблудился. В поисках дороги его отряд наткнулся на угольный пожар. Из глубокого провала поднималась удушливая гарь, а весь лес вокруг был выжжен. Пришлось вплавь пересечь Фандарью, чтобы обойти гиблое место. Промокший до нитки ябгу¹⁸ потом целый день на холодном ветру скакал обратно в столицу. С тех пор он чахнет. Знахари не отходят от него ни на минуту, но снадобья не помогают. Еще недавно пышущий здоровьем, могучий владыка Кушаншахра за три недели превратился в сухого изможденного старика.

Куджула снова обернулся.

— Пишкеш¹⁹ для царя Бактры²⁰ собран?

Октар молча кивнул.

С высоты холма, на котором стоял дворец Герая, хорошо просматривался весь город Халчаян: по склонам

¹⁸ Ябгу — царь, титул кушанского верховного правителя.

¹⁹ Пишкеш — дипломатическое подношение правителю другой страны, которое состояло строго из девяти предметов.

²⁰ Бактра(ы) — крупнейший город Древней Бактрианы, разрушенный Чингисханом, сейчас это городок Балх недалеко от Мазари-Шарифа.

разбросаны белые дома знати, несколько кумирен, караван-сарай с выгульным двором. Вдоль берега Сурхандарьи сгрудились обмазанные пахсой²¹ глинобитные хижины: кварталы гончаров, оружейников, медников...

Залитая солнечным светом равнина лежала перед ним как на ладони. Окраины терялись в утреннем мареве, но Куджула не нуждался в дальнем обзоре. Он легко мог по памяти начертить карту царства Кушаншахр от безводной степи за хребтами Кугитанг и Хау на западе до высокогорных пастбищ Бадахшана со стороны восхода солнца и от Амударьи на юге до Сырдарьи на севере — со всеми урочищами, песками и крепостями. Когда-то персы называли эту землю «Паретаковой». Хисарский хребет за спиной вроде и не такой высокий, как Памир или Хиндукух, однако попробуй перейти — перевалы к Согду можно по пальцам сосчитать. И на всех у отца стоят заставы.

Возле дворца ждал отряд. С десятков воинов держали в поводу навьюченных лошадей, ожидая приказа к выдвижению. Покрытые золотом ступенчатые зубцы террасной крыши искрились на свету.

Куджула поднялся по лестнице в айван²². Стражники почтительно склонили головы. Солнце взошло, но только подбиралось к южной стороне, так что колонны все еще отбрасывали косые черные полосы на белый мраморный пол. Казалось, что фигуры на фресках под потолком ожили и задвигались: одни взмахивают мечами, другие осаживают разгоряченных коней — сюжеты он знал с детства.

²¹ Пахса — штукатурка из лессовой глины вперемешку с соломой, отделочный материал, широко распространенный в Центральной Азии.

²² Айван — в Передней Азии сводчатое помещение, терраса или навес с одной открытой стеной, часто с приподнятым полом (лееваном) и колоннами, поддерживающими перекрытие.

Пройдя сквозь анфиладу залов с коврами на стенах, Куджула подошел к покоям отца. Покосился на бронзовую статую Митры в образе греческого героя Геракла. Увенчанный лавровым венком бог в левой руке сжимает дубинку, а правую с открытой ладонью поднял вверх и приложил к уху, словно прислушиваясь к голосам внутри комнаты.

Ябгу сидел на скамье, накинув на плечи одеяло. Его знобило, ввалившиеся глаза, окруженные темными кругами, лихорадочно блестели. Перед ним стоял Тахмурес, старший сын, со свисающим на лоб чубом — таким же рыжим, как у отца. Поцеловав руку Герая, Куджула встал рядом с братом.

Царь внимательно посмотрел на каждого из них, затем продолжил прерванный разговор:

— Вы оба должны запомнить: нам нужен мир с Гондофаром.

Он жестом остановил Тахмуреса, который сделал шаг вперед, намереваясь что-то сказать.

— Слушайте меня внимательно. Сейчас мы слабы, потому что в нашем народе вспыхнула вражда. Тохары ведут себя нагло: захватывают пастбища и угоняют чужой скот. Уже есть убитые. Племенной совет пока еще поддерживает асиев, поэтому серьезного кровопролития удастся избежать. Старики помнят, как ваш дед Агесил, разбив войска сака Мауэса, расширил земли кушан на востоке и стал ябгу. Но они не вечны, как и я...

Герай зашелся в кашле, прижимая ко рту платок. Вытерев губы, торопливо сложил его, чтобы скрыть кровавую мокроту. Потом продолжил, медленно и негромко, глядя на старшего сына:

— Я не хочу тебя отпускать. Тем более сейчас, когда я болен. Но положение серьезное. С запада нам угрожает

Парфия: новому царю Артабану не дает покоя слава Митридата Эпифана. На другом берегу Мургаба была замечена конница противника. С востока, из-за Памира, в любой момент могут выползти бесчисленные полчища ханьцев. На согдийцев полагаться нельзя, мы всегда были врагами. А со стороны Синдха²³, словно бешеный пес, рвется и кусается Раджувула, сатрап Матхуры. Слава богам! — Гондофар затаился после зимней драки, окопался за Амударьей. Поэтому очень важно договориться с Римом о военном союзе против парфян. Пусть даже ценой серьезных уступок. После катастрофы в Германии Октавиану Августу нужны новые легионы, чтобы защитить Галлию, а для их снаряжения потребуется много денег. Я готов предложить римлянам беспощадный провоз шелка через Кушаншахр, если они наладят торговый путь по Южному морю до Барбарикона²⁴ и договорятся с Гондофаром о проходе по его землям. Пусть только не отводят войска от границы на Евфрате, это свяжет Артабану руки. Мы не можем вести оборону сразу со всех сторон.

Герай замолчал, собираясь с мыслями. Было заметно, что он устал. Наконец ябгу снова заговорил, обращаясь к Тахмуресу:

— Я не знаю, успеешь ли ты вернуться... до того, как я уйду... Но у нас нет другого выхода, император будет говорить только с наследником престола... Я надеюсь на Племенной совет... Что бы ни случилось, — тут он перевел взгляд на Куджулу, — асии должны сохранить престол за собой, а Кадфисы — первые среди равных. Мы завоевали это право кровью!

²³ Синдх(у) — одно из древних названий реки Инд (его нижнего течения).

²⁴ Барбарикон — древний торговый город в дельте Инда (Синдха) недалеко от современного пакистанского города Карачи.

Старик зашелся в кашле. Сыновья хотели помочь ему лечь, но он отстранил их рукой.

Он снова обращался к Куджуле.

— Я договорился с Гондофаром о том, что ты будешь заложником до тех пор, пока я не умру. В его дворце тебе нечего опасаться, он всегда держит слово. Я тоже — я обещал ему, что не нападу на Паропамис без объявления войны. Стерегись друзей — тохаров!

Жестом подозвал сыновей поближе, чтобы взять за руки.

— И помните: вы — братья, право на престол по закону у старшего, но обстоятельства могут измениться. Судьба народа важнее судьбы каждого из вас. Поклянитесь, что не прольете братскую кровь.

Братья переглянулись. «Клянусь» прозвучало одновременно. Герай удовлетворенно кивнул, но тотчас нахмурился. В голосе ябгу слышались железные нотки:

— Проклят будет тот, кто нарушит клятву!

Он закрыл глаза и тяжело вздохнул. С трудом поднимаясь, обнял каждого из сыновей, а затем махнул рукой, отпуская их. Выходя из покоев отца, те снова слышали за спиной надсадный хриплый кашель.

Братья задержались на ступенях айвана, осматривая двор. Коренастый рыжий Тахмурес был на полголовы ниже Куджулы, шире в плечах, массивнее, а ходил, словно медведь, — вразвалку, но мягко и пружинисто. Он дальше всех метал боевой топор и мог легко выдержать схватку с двумя бойцами.

Куджула отличался от брата во всем, потому что был сыном Герая от второй жены — бактрийки Санаб, тонкой и грациозной, словно молодая серна. Первая, кушанка, умерла при родах, подарив жизнь Тахмуресу.

Он унаследовал от матери стройную фигуру, легкую походку и высокий лоб. А еще — карие глаза. От отца —

мощную шею и широкие скулы. В отличие от брата, он предпочитал брить лицо, но делал это редко, ленился, отчего щеки и подбородок заросли щетиной. Слегка оттопыренные маленькие уши придавали его внешности наивность, которая была обманчивой: с детства он умел постоять за себя и никогда не избегал драки, хоть и был царевичем. Ябгу не делал различий между своими детьми и детьми соплеменников, пусть дерутся, иначе не вырастут воинами.

Но Куджула был мягче Тахмуреса и тянулся к книжным знаниям больше, чем к воинскому искусству. Вечера он просиживал в комнате Ипполита, пленного грека, которого отец купил, чтобы тот учил младшего своему языку и занимал рассказами о древних богах и героях родины Искандера Румийского²⁵ — отважного воина, покорившего полмира, хоть и не кушана.

— Отец совсем плох, — сказал Куджула.

— На все воля Фарро, — глухо ответил Тахмурес, поправил перевязь с мечом и легко сбежал по лестнице.

Братья попрощались с Санаб, которая одинаково нежно обняла обоих, но младшего еще и погладила по щеке. Браслеты на ее запястье печально зазвенели, а глаза наполнились слезами, ей почудилось, что она видит сына в последний раз.

Две наложницы Герая, совсем еще девочки, жались к челяди. Они мечтали о том, чтобы Куджула не вернулся никогда — пусть всемилостивая Ардохш дарует Герау вечную жизнь, ведь если он умрет, они по древнему обычаю сати должны последовать за ним.

²⁵ Искандер Румийский — Александр Македонский, которого бактрийцы называли также «Искандар-Подшо», т. е. падишах, или «Зул-Карнайн» — Двурогий (хотя некоторые ученые считают, что это прозвище было дано персидскому царю Киру Второму Великому).

Вскоре отряд отправился в путь.

Ипполит стоял у дворцовой пристройки вместе с другими рабами. Поймав взгляд воспитанника, он резко вскинул руку в прощальном приветствии. Куджула лишь сдержанно кивнул — не пристало при воинах показывать привязанность к рабу.

По колесной дороге ехали рядом. Подъездки — запасные кони — послушно шли сзади, привязанные за повод к хвосту передней лошади. Переметные сумы были надежно закреплены в тороках.

— До новолуния осталось двенадцать дней. Успеем к началу игр? — озабоченно спросил Куджула.

В Бактре, столице горной страны Паропамис, каждую весну проводились конные игры, посвященные богине Аредви Сура Анахите. На несколько дней в столицу съезжались представители соседних стран, даже тех, которые считались враждебными. Гондофар — царь Паропамиса и Арахосии — обещал всем участникам неприкосновенность и достойный прием.

В предвкушении турнира Куджула старался не думать о том, что ему придется оставаться в плену до тех пор, пока не умрет отец. Традиция обмениваться царевичами помогала сохранить хрупкий мир на Амударье. Слишком много царств было на ее берегах и слишком мало плодородной земли. Зимой кушаны первыми перешли реку. Гондофар отбил, но потребовал прислать заложника, иначе грозился начать полномасштабную войну с привлечением союзников.

Тахмурес пожал плечами.

— Пятьдесят фарсахов²⁶ — это шесть-семь дней пути. Если нас ничто не задержит, успеем.

²⁶ Фарс а х — греч. парасанг, греческая миля, персидская мера длины, равная тридцати римским стадиям, т. е. около шести километров.

Вскоре Халчаян, родовое поместье Герая, превратился в крошечный муравейник на холме далеко позади отряда. Столицей Кушаншахра оставался Ланьши²⁷, называемый греками по старинке Эвкратидеей, но ябгу кушан перенес резиденцию к среднему течению Сурхандарьи, в город предков. Здесь ему никто не мешает организовать оборону на случай нападения других претендентов на трон — тохаров, ятиев, пасианов или сакаравлов. И не надо ничего согласовывать с Племенным советом.

Формально союзом племен управляют старейшины. Царь решает вопросы войны и мира, пополняет сокровищницу, отправляет посольства... А еще первым берется за плуг в начале весенней пахоты — такова традиция. Но настали трудные времена, так что даже старейшины не в силах погасить огонь начавшейся междоусобной вражды. Правда, двуличным сородичам, ставки которых находятся в долине Сырдарьи, сначала нужно перейти три хребта высокогорного Хисара, а на перевалах у Герая стоят надежные посты. Здесь, в долине Сурхандарьи, земля асиев, и никто их отсюда силой не выбьет.

Отряду предстояло пройти несколько греческих крепостей по правому берегу Сурхандарьи, построенных еще царем Эвкратидом, пересечь исчерченные арыками пески Каттакум и выйти к Амударье у купеческого города Тармит²⁸, где под охраной цитадели находится одна из многочисленных переправ.

Город большой, деловой, сюда доставляют известняковые блоки из каменоломен на Орлиной сопке в предгорьях

²⁷ Ланьши — древнее название современного таджикского города Душанбе.

²⁸ Тармит — древнее название современного узбекского города Термез на берегу Амударьи.

хребта Баба, а также цельные куски бирюзы, сердолика и нефрита из Бадахшана, чтобы затем развезти их на арбах по бактрийским городам или сплавить на баржах в Хвайрезим²⁹. Золото, намытое в горных речках Памира, а также серебро с рудников Вахана и Бадахшана тоже оседает здесь.

Что уж говорить про небесный камень ляджуар, который иноземные купцы называют «лазуритом». С копей Сар-э-Санг его везут в Тармит, где халдеи, эллины и серы предлагают за него баснословные деньги и чуть ли не дерутся друг с другом за лучшие куски сорта «ни-или» цвета индиго.

На всем пути между горными цепями Байсун и Баба Куджула видел бесчисленные города, деревни и усадьбы кушан и бактрийцев. Всюду кипела работа: настала пора сева, расчистки каналов, выпаса скота... Весеннее солнце растопило снега, напоило равнину талой водой, обласкало нежные листья и побеги теплом и светом.

«Отличное время для дальнего похода», — думал он.

2

На четвертый день отряд подошел к Тармиту, после чего переправился по наплавному мосту на левый берег Амударьи.

Весенний ветер шевелил волосы, забирался под воротник, охлаждал шею. Впереди лежала враждебная горная страна Паропамис, которую эллины называют «Индийским Кавказом», а персы — «Саттагидией».

²⁹ Х в а и р е з и м — Хорасмия, одно из древних названий Хорезма.

Сразу за мостом заточенными бревнами оцетинилась застава Гондофара. Угрюмые бородатые воины в кольчугах и остроконечных скифских колпаках с башлыком угрожающе окружили кушан.

Они мало чем отличались от воинов Тахмурса: такие же льноволосые и светлоглазые, на таких же приземистых степных конях. Командир в доспехах катафракта с показной небрежностью развалился в седле, смотрит исподлобья, ухмыляется. У бедра на волосяном жгуте висит вяленая голова с открытым ртом: безглазая, сухая кожа натянута на скулах, белые зубы ощерились. Тахмурс покосился на нее, по серебряной сережке в ухе он узнал сотника, боевого товарища.

«Дорожит трофеем, сволочь, — негодуяще подумал кушан. — Видать, получил за убитого хорошую награду».

По команде ассаке³⁰ разом натянули луки, целятся прямо в лицо. Казалось, еще мгновение — и тягостная тишина сменится свистом летящих стрел. Кушаны словно окаменели, ни один не дрогнул. Тахмурс заранее предупредил своих, что прием будет холодным — еще зимой здесь шли бои.

Он примирительно поднял руку, а затем, стараясь держаться непринужденно, сказал:

— Мы идем в Бактру на игры Анахиты. Я — старший сын Герая. Это мой брат, — Тахмурс показал рукой на Куджулу. — Он останется заложником у Гондофара, потому что так решили оба царя.

³⁰ Ассаке^{ны} — скифское племя, которое наряду с другими племенами ираноязычных кочевников Центральной Азии — саками, дахами, а также частично сарматами — в конце первого тысячелетия до нашей эры вторглось на территорию Ирана, Бактрии и Индии.

Катафракт внимательно оглядел кушан. Оценил куртак³¹ Тахмуреса из фригийской парчи, широкий кушак, украшенный жемчугом и золотыми бляшками со вставками из сердолика, бирюзы и лазурита, пунцовый шелковый сарапис³² Куджулы под стеганым халатом, дорогое оружие у обоих. Но он медлил из мести, чтобы унижить непрошенных гостей.

Наконец спросил:

— Тамга³³ есть?

Повисла тяжелая пауза. Ни один из командиров не хотел двинуться первым, это было бы оскорбительно. Наконец Тахмурес, сохраняя каменное выражение лица, тронул поводья. Его конь сделал несколько шагов вперед и приблизился к командиру разъезда. Тот даже не шевельнулся, насмешливо глядя в глаза кушану. Скрипнув от досады зубами, Тахмурес достал заткнутый за пояс деревянный футляр. Затем перегнулся с седла, чтобы протянуть ассакену письмо. Тот развернул обшитый красной бахромой кусок пергамента с личной печатью Герая, неторопливо прочитал послание, снова свернул его и передал кушану.

Приказал воинам опустить луки.

— До Бактры два дня пути. Пойдете под конвоем, а то можете и не добраться, — сказал он, криво усмехнувшись. — Вам тут не рады.

Потом зло зыркнул на кушанский штандарт: золотая собачья голова, сзади полощется длинный матерчатый хвост.

³¹ Куртак — персидский короткий распашной кафтан.

³² Сарапис — персидская мужская длинная нераспашная рубаха.

³³ Тамга — племенной или родовой знак; в данном случае дипломатическое письмо.

— Дракон зачем? Чтоб определять направление ветра, когда из луков палить начнете? Так ведь не война, или...?

Каверзный вопрос повис в воздухе.

Тахмурес спокойно ответил:

— Царский знак. Может, нам и мечи выбросить? Мы не военнопленные, пришли добровольно и без злого умысла. В тамге все написано. Хочешь, чтобы я вслух прочитал?

Катафракт презрительно сплюнул. Он помнил шелест кушанской стрелы, которая оставила на скуле длинную рваную рану, оторвав кусок уха. Но царская тамга делает непрошенных гостей неприкосновенными, поэтому придется подчиниться обстоятельствам.

Рявкнул на солдат. От разъезда отделились десять всадников, встали сбоку от кушан. Еще один, пустив коня в галоп, помчался в темнеющую степь предупредить Гондофара о посольстве.

Отряд Тахмуреса двинулся по прибрежным пескам на запад вдоль плесов и заводей Амударьи. Шли до вечера, потом разбили шатры у воды, напоили и накормили коней, поели сами.

Над рекой бушевал багряно-красный закат. Облака словно горели, а вместе с ними горела река. Казалось, огонь поднимается из глубины, растекается раскаленными разводами под водой и вот-вот вырвется на поверхность, перекинувшись на кусты чингиля, которые вспыхнут ярким пламенем, так и не успев расцвести.

Куджула не мог заснуть. Долго ворочался под бурнусом, вспоминая злые глаза ассакенов, натянутые луки, мертвую оскаленную голову. Ему исполнилось восемнадцать, но еще не приходилось участвовать в сражениях. Каждый раз, отправляясь в боевой поход, отец брал с собой только Тахмуреса.

Сегодня Куджула впервые увидел лица врагов. Он не струсил, но в первый момент ощутил в груди странную легкость, словно сердце перестало биться. А потом им овладел юношеский азарт: вот же они — рядом, на расстоянии вытянутой руки. Он может выхватить меч, с криком броситься на них, а уж остальные поддержат его порыв...

Ему хотелось драться, казалось, что он — неуязвим. Куджула был царским сыном и понимал, что рано или поздно должен стать жестоким и беспощадным, чтобы добиться повиновения друзей и заслужить уважение врагов. Этому его учил отец.

«Каково это — убить человека? Что я почувствую?»

Он так и не понял, кто из двух командиров победил в противостоянии у моста, и эта неопределенность не давала ему покоя...

Утром отряд повернул на юг, направляясь вглубь Бактрийской равнины. Заросли ивы и чингиля остались позади. Под копытами лошадей расстился напоенный весенними дождями зеленый ковер из сочной осоки и цветов. Блекло-зеленые островки прошлогодней полыни с зацепившимися за стебли сухими шарами перекасти-поля успели утонуть в красочном разнотравье, стали незаметными, потерялись.

Пропали рыжехвостые кукши и галки, зато в безоблачном лазоревом небе метались в погоне за какими-то мелкими птичками ястребы.

Так и прошел день: отряд то шагом, то рысью покрывал один фарсах за другим, изредка устраивая короткие привалы. Конвой неизменно скакал на расстоянии выстрела в стороне от колонны кушан, демонстративно вынудив луки из горитов. Иногда ассакены вырывались вперед, джигитовали, показывая, кто здесь хозяева. Ночью у костров часовые в обоих лагерях не смыкали глаз, держа оружие наготове.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1.....	14
ГЛАВА 2.....	56
ГЛАВА 3.....	100
ГЛАВА 4.....	139
ГЛАВА 5.....	178
ГЛАВА 6.....	218
ГЛАВА 7.....	257
ГЛАВА 8.....	300
ГЛАВА 9.....	340
ЭПИЛОГ	375

Литературно-художественное издание

Сергей Суханов

ЗА РЕКОЙ ГОЗАН

Роман

Составитель серии Андрей Геласимов

Редактор Б. Геласимов

Корректоры А. Калинин, О. Шепитько

Компьютерная верстка Е. Климентьева

Художник А. Геласимова

Подписано в печать 29.11.2019. Формат 60×90/16

Печ. л. 25. Гарнитура «Journal».

Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом “Городец”»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1

www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru

тел.: +7 (985) 8000 366

Сергей Суханов родился в г. Потсдаме, ГДР. Выпускник Санкт-Петербургского государственного университета. Филолог-скандинавист, экономист, журналист. Переводчик с английского и шведского языков. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленобласти. Отец двух замечательных дочек.

Что общего может быть у простого иудея и будущего правителя Кушанской империи, завоевавшего в первом веке нашей эры Хорезм, Афганистан и Северную Индию? Молодость, бесстрашие, желание добиться цели наперекор жестоким обстоятельствам.

Кушан – политический заложник в столице врагов, его задача – выжить. Но именно здесь он встречается любовь. Иудею предстоит найти реликвии Иерусалимского храма; ключ к разгадке тайны у него в руках. Отряд единомышленников отправляется на поиски сокровищ. Впереди непроходимые ущелья, бурные реки, узкие караванные тропы. Товарищи гибнут один за другим, но заветная цель все ближе.

Читатель узнает, как выглядело в то время жилище горцев, каким богам молились эллины Бактры, чем горожане занимались на празднике в честь Афродиты. А в конце романа его ждет сюрприз, если, конечно, он умеет читать между строк.

www.gorodets.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907085-37-4

9 785907 085374